

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Перевод с древнерусского,
статьи, комментарии
Алексея Смирнова

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ББК 84(2Рос=Рус)
С 50

Смирнов А. Е.

С 50 Слово о полку Игореве: Перевод с древнерусского, статьи, комментарии. — М.: Языки славянской культуры. — 104 с.

ISBN 5-9551-0185-3

Особенность новой переводческой версии «Слова о полку Игореве» состоит в том, что переводчик реализует в ней свою концепцию *аутентичного перевода* — такой интерпретации подлинника, при которой сохраняется как семантика, так возможно более полно и звукопись оригинала. Таким образом, аутентичный перевод, будучи ясным по смыслу современному читателю, позволяет ему услышать музыку подлинника, что чрезвычайно важно, поскольку в поэзии первородный звук равнозначен первородному смыслу.

Работа сопровождается подробными комментариями трудных мест оригинала; статьями, вводящими в историческую ситуацию древней Руси, в историю открытия памятника, его авторство и датировку, в принципы перевода древнего текста.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК 84(2Рос=Рус)

В оформлении обложки использована работа В. А. Фаворского

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0185-3

© А. Е. Смирнов, 2007

© Языки славянской культуры, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Подступы к памятнику	7
«Слово о полку Игореве» (перевод)	19
Комментарии	55
Круг «Слова»	69
Принципы перевода древнего текста	72
<i>Приложение.</i> «Слово о плъку Игоревѣ...» (древнерусский текст)	85

ПОДСТУПЫ К ПАМЯТНИКУ

1

«Слово о полку (или о походе. — А. С.) Игоре» запечатлело одно из многих скорбных последствий княжеских раздоров, приведших к дроблению Древней Руси.

Согласно завещанию киевского князя Ярослава Мудрого пять его сыновей разделили между собой русские земли. Прощаясь, Ярослав сказал сыновьям: «Вот я отхожу от этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы братья родные, от одного отца и от одной матери. Если будете жить в любви между собою, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же мирно, слушаясь друг друга». А поручив Киев старшему сыну Изяславу, прибавил: «Если кто захочет обидеть брата, то ты помогай обиженному».

При внуке Ярослава Мудрого Владимире Мономахе на Любечском съезде 1097 года обособление княжеских земель как наследственных владений узаконили: «Каждо да держить отчину свою» — «Каждый владеет землею отца». Но разделение привело не к утишению вражды, а к

новым обидам и распрям. Галич, Полоцк, Рязань, Смоленск, Ростов, Новгород — все требуют политической независимости, претендуя и на свое, и на чужое («*Се мое, а то — мое же*»). Каждый — «сам большой». Происходит нечто, получившее в иную эпоху и при других обстоятельствах имя «парада суверенитетов». Личные интересы «вотчинников» побеждают, Русь раскалывается, а с расколом рушится и ее могущество, в том числе — военное.

Этим пользуются западные и южные соседи Руси.

Швеция занята внутренней борьбой и потому до поры угрозы не представляет. Польша и Венгрия, кроме собственных уособиц, отражают притязания чехов и пруссов, хотя Юго-Западная Русь им не безразлична и при случае они готовы вмешаться и поживиться. Достаточно сказать, что поляки дважды захватывают Киев, но вынуждены возвращаться в свои пределы. Немцы теснят новгородцев и кривичей в Ливонии. Литовцы нападают на приграничные русские области. И тем не менее главная опасность исходит с юга, и в интересующий нас момент времени (вторая половина XII века) ее представляют половцы — воинственное степное племя тюркского корня; народ-кочевник, народ-язычник. По слову историка, «Южная Русь была крайною... европейским берегом степи, и берегом низким, не защищенным нисколько природою, следовательно, подверженным частому наплыву кочевых орд...» (С. М. Соловьев). Половцы совершают опустошительные набеги на Русь. Их быстроногая конница не знает преград на степных просторах. Она внезапна и неуловима. Русичи борются с ней ответными вылазками, иногда удачными, часто — нет, потому что трудно князь-ям договориться о совместных действиях.

Коллизия состоит в том, что распад Киевской Руси был вызван ростом новых культурных центров, их понятным стремлением опереться, усилиться, обрести само-

стоятельность, и это усиление шло через обособление, создание собственных иерархий, преследовало частные цели, а в итоге привело к общему ослаблению русских земель. И как это бывает, когда пространство съёживается, а жизнь мельчает, настает черед беспочвенной кичливости, набухает ложной гордостью язык велеречивых:

И начали князья про малое:
«Се великое», — говорить.

Возможная гибель Руси как восточного оплота славянского мира, погашение очага православия становится реальностью. Половцы и Византию держали в страхе, а тут — распавшаяся Русь...

Киевляне умоляют князей прекратить раздоры: «...не можете погубить Русьские земли. Аще бо возьмете рать межю собою, погании имуть радоватися и возьмутъ землю нашу...». Эту угрозу чувствуют все. Но князья не способны переступить через свою гордыню. Страдания народа множатся. Становится ясным, что причина бед кроется в личностном начале: в молодечестве князей — их честолюбивом стремлении к славе, в их корыстолюбии и жажде власти. Вот почему призыв к единению, к смирению своих амбиций во имя общего дела составляет пафос «Слова», главный его нерв. Когда подвергают сомнению подлинность памятника, относя его написание к более поздним векам вплоть до конца XVIII в., то апологией древности служит, по нашему мнению, не только лингвистический аспект текста, но и потрясающая гражданская страсть автора. Ею может преисполниться лишь свидетель событий. Нельзя ее сымитировать!

Между тем было ведь что-то глубоко подспудное, скрытое от взора, что позволило амбициям князей разгореться так яростно и ярко, что вызвало и подтолкнуло само дробление, что повергло Русь в братоубийственную

пучину... О каком историческом процессе идет речь? Что создало эту гудящую, огненную тягу междоусобных браней?

2

Вернемся к началу русской истории — в IX век, когда несколько славянских племен, населявших территорию нынешней Средней и Южной России, не находя выхода из родового, обособленного быта, призывают князя-чужеземца, чтобы тот объединил разрозненные роды в единое целое. Так наши предки сплотились под властью Рюрика. Со временем княжеская семья Рюриковичей разрослась, и внутри нее самой сложились родовые отношения. Они покоились на том, что по смерти великого князя власть переходила не к его старшему сыну, а к старшему в роде удельному князю, который занимал главный стол и становился великим князем. Его перемещение с удельного стола на главный вызывало череду сдвигов, поскольку менялась степень старшинства, говоря нынешним языком, образовывались «новые вакансии» и возникали «новые значения».

Однако во второй половине XII века — к тому времени, когда назревали события, описанные в «Слове», положение стало складываться по-иному. Южная Русь с ее главным стольным градом Киевом сдает позиции, а Средняя, напротив, набирает силу. Здесь начинают слабеть родовые связи между разными княжескими семьями, субординация нарушается, сильные князья восстают на более слабых, пренебрегая родовыми правами, не считаясь со степенью старшинства. Их цель — усилиться любым путем. Власть должна принадлежать не самому старшему в роде, а самому сильному, даже если он младше. Но старейшины потерпеть такого не могут. Затеваются жесто-